

ВСТРЕЧА
ДЛЯ ВАС

Сов. культура. - 1991. - 12 мая. - с. 5

Все хорошо, прекрасная Елена?

Старинный московский дом. Крутые ступеньки. Ветхая дребезжащая клетка лифта. Звоню, и Елена Майорова открывает мне дверь. Какая она в жизни? Нет, я, конечно же, знаю ее роли в кино и театре, ее биографию, читал о провинциальной девушке, которая добилась своего. Декламация стихов «с выражением» в детском саду. Театральная студия при Дворце пионеров. И все сахалинское детство, освещенное мечтой о карьере антрисы. Потом столица, провал на конкурсе в театральный. Холодно. Одна. Но подбородок держала гордо, даром что в свое время пришлось позаниматься гимнастикой. Строительный техникум. Диплом изолировщицы. А потом «табаковский» курс. Штраф за то, что не отработала ни дня по специальности помог выплатить Олег Павлович. Учеба. Кино. МХАТ. Признание. И все-таки, и все-таки...

— Что вас мучает, Елена?

— Знаете, иногда пропадает ощущение реальности сделанного. Это как на съемочной площадке. Думаешь, тебя снимают крупно, стараешься. Каждая клеточка твоего лица болит, страдает. А потом смотришь материал: батюшки, все ушло в песок. На пленке не твои мысли и чувства, а намерения других людей, режиссера, оператора. Мои роли в кино? Я их любила, почти все. Но они — призраки, бесплотные одеяния, они прошли, и нет

их. За последние месяцы я оказалась от шестнадцати сценариев. С прошлого лета не снимаюсь. Кажется, стою перед каким-то важным выбором...

— А театр — не утешение? Там у вас много удач. И там все-таки зритель, которого видишь и с которым, наверное, не одиноко.

— Я боюсь смотреть в зал. Боюсь увидеть в глазах зрителя равнодушие, усмешку, издевку...

— Но в его глазах — и радость, и благодарность.

— Да, это те, кто в конце спектакля подходит к сцене. Их лица излучают тепло и признательность. Я это чувствую, но разумом я не понимаю зрителя, я его просто не знаю. Не знаю, что он думает обо мне, о моих ролях. Я играю для идеального зрителя, который у меня внутри. Всего у меня девять названий в афише МХАТа, девять ролей, и каких! Елена Андреевна в «Дяде Ване», Сарра в «Иванове», Анна в «Варварах», Нина Заречная, Констанция в «Амадее», который, кстати, идет уже восьмой сезон. Почти каждодневные репетиции и спектакли. А мне хочется научиться английский, послушать

классическую музыку, сходить в бассейн.

— А по магазинам вы ходите сама?

— Слава богу, помогают родители мужа. И я им благодарна. Но от домашних дел никуда не уйдешь. Вчера устроила большую стирку, написала письмо, отправила посылку родителям на Сахалин. А магазины... Мне страшно стоять в очередях. Именно — страшно. У меня подруга есть, верующая. Она по-другому смотрит на все это. С каким-то высшим, нечеловеческим смирением, надеждой. Ездит в больницы, помогает несчастным. Так вот, она и людей, стоящих в очередях, — жалеет. Я много думаю об этом...

Сейчас я репетирую Достоевского у Фокина в Театральном центре имени Ермоловой. Настасья Филипповна. Хочется верить, что это и есть «мой» материал, то, к чему я стремилась. Спектакль будет называться «Бесноватая». В прошлом году я сначала оказалась от этой роли и радовалась, что минула меня чаша сия. Горькая. Не играть — жить этим нужно. Каждый спектакль, каждый вечер. Лишать себя покоя, душевного равновесия, обрекать на страсти, на

страдания. Это же Достоевский! Настасья Филипповна кажется, мучается. На самом деле она не совершает ничего постыдного, ужасного. Она только сама себя ранит и себя все время спрашивает: зачем мы? к чему мы? Если есть Бог, почему же я так живу? Почему же ты, Бог, уготовил мне такую судьбу? Она несчастна. Производит на окружающих впечатление полупомешанной. Люди не знают, как иначе это назвать, Достоевский заставляет сопереживать чужому горю, не своему. Лить слезы над чужим несчастьем, не над своим. В этом сила искусства. И я стремлюсь к тому же.

Где душе лекарство? Меня спасает театр. Это, как в подземном переходе ночью. Иду через него, боюсь. Вижу — навстречу человек, который тоже меня боится. Столкнешься взглядами — волна энергии, понимания. Страхи уходят.

Да-да, а когда я вижу ничего в переходе, я поражаюсь! Как он вот так способен сесть на пол и сказать: ребята, без вас умру, помогите! Я привыкла быть одна. Во всем полагаться только на себя. Я бы так не сделала. Но он лучше ме-

замечаешь его. Может быть, потому, что это не главное. Было плохо, потому что была оторвана от работы. Смогла бы жить там? Не знаю. Да, люди свободны от многого, от чего зависим мы. Но и они не свободны, например, от постоянных мыслей о деньгах.

Признаюсь, я бегала там по магазинам. Накупила себе одежды, обуви. Но господи, как все это унижительно! Съездить в Америку, и не сходить в музей, в театр. Эта мысль все отравила еще до поездки. Приятное воспоминание: кормила белок прямо в сквере посреди большого города.

— А мы! Будем ли свободны хотя бы в той мере, как они сейчас?

— Думаю, русская душа с ее способностью откликаться на чужую боль сохранит, сбережет в нас человеческое. Я скорее не верю в это, а так хочу. Думаю, будем жить без головной боли о продуктах, о платьях. Хотя ни из чего это пока не следует. Так уж хочется надеяться.

Беседу вел
С. ТОЛКАЧЕВ.

● Елена Майорова в роли Нины Заречной во МХАТе им. А. П. Чехова.